

Патрушев Сергей

Апокалипсис. Поиск жены

Сергей Патрушев

Апокалипсис. Поиск жены

«Автор»

2026

Патрушев С.

Апокалипсис. Поиск жены / С. Патрушев — «Автор», 2026

Спустя год после ядерной зимы Андрей, потерявший жену Марину, отправляется в смертельно опасный путь через выжженные пустоши России. Его единственный ориентир — рисунок воробья, нацарапанный кровью. Чтобы выжить и узнать правду, он играет с рейдерами в кости, танцует со студентками в радиоактивных барах и спускается в подземелья мёртвого Сталинграда. Это история о поиске любви на краю гибели, где ставка в игре не патроны, а надежда, а единственным смыслом остаётся человек, ждущий тебя по ту сторону ада.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последний чек-поинт	5
Глава 2. Бар "У Последнего Пессимиста"	11
Глава 3. Кости судьбы	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Патрушев

Апокалипсис. Поиск жены

Глава 1. Последний чек-поинт

Гермодверь закрылась за спиной с глухим, утробным лязгом. Звук отрезал от Андрея не просто кусок ржавого бетона и фильтрованного воздуха — он отсекал иллюзию безопасности. Там, внутри, под сорока метрами московской земли, остались работающие генераторы, бесконечные ряды стеллажей с законсервированной гречкой, хлорированная вода в цистернах и люди, которые спали по расписанию. Там осталась жизнь, похожая на старую черно-белую фотографию: статичная, плоская, лишенная запаха гнили.

Снаружи пахло иначе.

Андрей сделал первый вдох полной грудью, тут же пожалев об этом. Легкие обожгло смесью озона после недавнего кислотного дождя, сладковатой вони разложения из ближайшего оврага и едва уловимого, фантомного аромата горелой резины, который въелся в этот мир еще тридцать лет назад. Небо над МКАДом висело низкое, цвета мокрого асфальта. Солнце давно перестало быть желтым диском; теперь это было лишь бледное, размытое пятно, источник тусклого серого света, вокруг которого медленно вращались пепельные облака.

Он стоял на крыше вентиляционной шахты, бывшей когда-то частью элитного жилого комплекса. Теперь комплекс напоминал гигантский гниющий зуб — скелет из арматуры, торчащий из бурой грязи, которая поглотила нижние этажи. Внизу, у подножия холма, змеилось Третье транспортное кольцо. Вернее, то, что от него осталось. Реки спекшегося металла, застывшие навсегда в час пик. Андрей видел проржавевший остов автобуса, забитый костями тех, кто пытался вырваться из города в первые дни Падения. Двери были распахнуты, а кости лежали так плотно, словно люди пытались утрамбовать друг друга, спасаясь от того, что пришло с восточным ветром.

Дождя не было, но воздух казался тяжелым и влажным. Капли оседали на прорезиненном плаще, стекая мутными дорожками. Андрей поправил ремень автомата. Старый АК-74М весил привычно и успокаивающе. Это был его единственный настоящий друг в этом мире. Не Марина, мысли о которой сейчас пульсировали тупой болью где-то под ребрами, не бункерные товарищи, готовые продать почку за фильтр для воды, а холодный вороненый металл.

Марина. Мысль о ней была как открытая рана, которую приходилось постоянно беречь, чтобы не забыть, ради чего он вообще дышит. Она исчезла год назад. Просто ушла в ночную смену на периметр «Юго-Западной» и растворилась. Бункерная сеть тогда уже трещала по швам, связь рвалась, паника пожирала остатки дисциплины. Но неделю назад старый кабельщик Егор, ковыряясь в обломках ретранслятора, поймал обрывок зашифрованной передачи. Южный вектор. Колонна беженцев. И женский голос, певший ту самую дурацкую песенку про кузнечика, которую Марина всегда напевала, когда резала лук. Голос мог померещиться, сигнал — исказиться до неузнаваемости. Но Андрей знал свою жену. Если есть хоть один процент вероятности, что она едет на юг, к Каспийским пустошам, где, по слухам, снова начали зеленеть степи, он должен проверить.

У него была карта. Настоящая, бумажная, довоенная топографическая карта Московской области, заламинированная в пластик. На ней красным маркером был отмечен путь. Сначала — на юго-восток. Обход Балашихи через лесопарк, который местные называли Костяным садом. Затем — бетонка. А дальше первая серьезная остановка. Первый крупный анклав новой формации. Место, которое выжившие пафосно именовали «Рязань-Сити».

Спуск занял двадцать минут. Ноги скользили по мокрому металлу лестницы. Андрей двигался экономно, выверяя каждый шаг. Энергия в новом мире стала валютой более твердой, чем патроны. Уставший человек — мертвый человек. Он спустился на уровень земли, вернее, на слой слежавшейся золы и мусора высотой в полтора метра. Пришлось прыгать. Грязь чавкнула, принимая тяжелые армейские берцы.

Тропа шла вдоль эстакады. Идти по открытому пространству было самоубийством. Андрей держался тени разрушенных торговых центров. Витрины зияли черными провалами, внутри все было выжжено дочи́ста, покрыто слоем жирной копоти. Иногда из темноты на него смотрели глаза. Не человеческие. Слишком много отраженного света, вертикальные зрачки. Местные кошки-мутанты, размером с хорошую собаку, провожали его голодными взглядами, но нападать не решались. Автомат на груди говорил им достаточно.

К полудню он вышел к развязке возле бывшего поста ДПС. Здесь пейзаж менялся. Среди хаоса намеренной анархии появился порядок. Уродливый, жестокий, но порядок. Дорога была перегорожена тремя старыми бензовозами, сваренными между собой арматурой. Над баррикадой возвышалась смотровая вышка из корабельных контейнеров. На ней сидел часовой с пулеметом ПКМ.

«Рязань-Сити» не строили. Его нагородили. Город-спрут, выросший на пересечении остатков Рязанского шоссе и старой окружной дороги. Десятки автобусов ПАЗ, поставленных друг на друга, ангары из гофрированного железа, перевернутые фуры, образующие лабиринт. Жизнь здесь кипела, если можно назвать жизнью суету стервятников. Воздух дрожал от сизого дыма сотен самодельных печурок, работающих на всем, что способно гореть — от старых покрышек до прессованных брикетов из человеческих волос. Стоял неумолчный гул: рев моторов без глушителей, ругань, удары молота по железу, визг пилы.

Внутри ворот царил вонь. Смесь нечистот, жареного мяса сомнительного происхождения и дешевого самогона. Люди бродили толпами. Кто-то был одет в лохмотья химзащиты, кто-то щеголял в обрезанных кожаных куртках, увешанных собачьими клыками и гильзами. Лица у всех были серые, одутловатые, изъеденные язвами лучевой болезни или грибковыми инфекциями. Дети здесь выросли за месяц, а стариков не было вовсе — порог выживаемости заканчивался на тридцати пяти годах.

Андрей шел сквозь рынок. Торговцы кричали прямо в уши: — Фильтры! Угольные фильтры, три рожка! — Вода! Литр за два магазина! — Девочки чистые, проверенные доком, налетай!

Его толкнули плечом. Высокий мужик с лицом, состоящим из одних хрящей, смерил Андрея взглядом, задержавшись на рюкзаке. Андрей даже не повернул головы, лишь положил ладонь на цевье автомата. Мужик хмыкнул и растворился в толпе. Правило номер один анклава: выглядишь опасным — проживешь дольше.

Целью Андрея была заправка. Ему нужен был транспорт. Пешком до Каспия он будет идти полгода, если раньше не пустит корни в какой-нибудь радиоактивной луже. Нужен был байк или хотя бы квадроцикл с баком, полным топлива. Своего у него не было. Значит, нужно было купить информацию. А информация здесь продавалась только одним способом — через доверие местных хищников. Хозяином местной топливной мафии считался некто Свищ. Говорили, у него половина лица сожжена напалмом еще в двадцатых, и поэтому он никогда не снимает бандану.

Свища Андрей нашел в самом центре этого термитника, в кабаке, носившем гордое название «Метан». Заведение располагалось в подвале очистных сооружений. Запах дерьма там смешивался с запахом кислой капусты и крови. За грубыми столами из дверей микроавтобусов сидели рейдеры. Те самые парни, которые контролировали трассу. Они пили мутную жидкость из алюминиевых кружек, громко смеялись и резались в карты.

Андрей подошел к стойке — длинной доске, положенной на бочки. Бармен, одноглазый парень со шрамом через весь череп, протирал стакан грязной тряпкой. — Мне нужен Свищ, — сказал Андрей, кладя на стойку две потемневшие латунные гильзы двенадцатого калибра. Стандартная плата за право говорить. Бармен посмотрел на гильзы, потом Андрею в глаза. Кивнул в дальний угол.

Свищ играл в нарды сам с собой. Рядом с ним стояли двое шкафов-телохранителей, чьи шеи были шире их голов. Андрей сел на ящик напротив, не спрашивая разрешения. Это было дерзостью. Рейдеры такого не любили. — У тебя пять секунд, чтобы объяснить, почему мои ребята не должны выпустить тебе кишки прямо на скатерть, — просипел Свищ. Голос у него действительно был сломан, выходящий через обожженное горло звук походил на скрежет пенопласта. — Потому что я знаю, где стоит нетронутый склад Росрезерва под Шатурой, — спокойно ответил Андрей. — Полторы тысячи квадратных метров. Консервы, медикаменты, одежда. Замки срезаны чисто. Охраны нет. Я пришел оттуда вчера.

Это была ложь. Наглая, продуманная ложь. Склад существовал, но подходы к нему стерегли боевые дроны старого МО, и любой, кто приближался ближе чем на километр, превращался в пепел. Но Свищу об этом знать было необязательно. Главное — предложить наживку, которая заставит акулу открыть рот.

Свищ перестал двигать кости. Его единственный целый глаз впился в лицо Андрея. — Докажи. — Доказательство придет вместе с первой партией товара, — улыбнулся краем рта Андрей. — Мне нужна наводка. Дальше Москвы. Что происходит на юге? Где начинаются обжитые земли? — Земли везде обжитые, брат, вопрос только кем, — усмехнулся Свищ, обнажая металлические зубы. — Юг закрыт. Степь горит вторую неделю. Горючая смесь из нефтепровода. Орда Огненных Цепей держит переправу через Оку. Пропустят только за голову местного царька или за тонну чистого бензина. У тебя есть тонна бензина? — У меня есть ноги и язык, — парировал Андрей. — Мне нужно место, где меняют информацию на топливо. Честный обмен.

Свищ долго смотрел на него, затем перевел взгляд на своих людей. Телохранители напряглись. Разговор заходил в тупик, а тупики в «Рязани-Сити» обычно заканчиваются заточкой под ребра. — Здесь честность измеряется весом свинца, чужак, — наконец произнес Свищ. — Ты кажешься мне слишком чистым для этих дорог. Твоя куртка не пахнет отчаянием. Такие либо приносят большие деньги, либо приходят за чужими жизнями.

Пора было менять тактику. Логика и блеф могли довести до могилы. Андрей вздохнул, расстегнул верхнюю пуговицу плаща и расслабленно откинулся на спину контейнера. — Послушай, командир, — голос его стал тише, почти дружеским. — Я сегодня утром чуть не наступил на капкан-растяжку, замаскированный под детский ботинок. Потом меня пыталась изнасиловать собственная тень от радиационного свечения — показалось, что сзади кто-то идет. Я жрал холодную тушенку последние три дня, и мой желудок уже начал переваривать сам себя. Я прошел через Костяной сад, наступив ровно на те ветки, которые не хрустят. Я устал, я грязный, и мне чертовски хочется выпить. Давай не будем меряться длиной предохранительных скоб.

За соседним столом заржал один из рейдеров. Громко, раскатисто, хлопнув себя по колену. Напряжение лопнуло, как мыльный пузырь. Свищ моргнул. Металлические зубы скрипнули в подобии улыбки. — Нахальный, — констатировал он. — Люблю нахальных. Выживальщики нынче пошли пугливые, сразу в землю прячутся. Ладно. Раз ты такой разговорчивый, сыграем. Проверим твою удачу. Моя игра. Мои правила.

Он достал из-за пазухи кожаный мешочек. Внутри оказались не игральные кубики, а настоящие бабки — суставные кости крупного рогатого скота, отполированные до блеска. На каждой были вырезаны символы: солнце, череп, спираль и перекрещенные кости.

— Играем в «Старуху», — сказал Свищ. — Три броска. Ставишь свой нож. Против моего фильтра тонкой очистки. Хорошая вещь, промышленный, такие на АЭС ставили. Тебе ведь дышать еще далеко ехать?

Нож Андрея был особенным. Самодельный, тяжелый, из клапана дизельного двигателя. Идеально сбалансированный. Расставаться с ним не хотелось, но фильтр стоил дороже трех автоматов. Без нормального фильтра легкие в южных болотах сгниют за месяц.

— Согласен, — кивнул Андрей.

Правила он знал. Нужно выбросить комбинацию выше, чем у соперника. Звучит просто. Проблема в том, что кости были заряжены. Профессиональные катапы использовали ртуть или смещенный центр тяжести. Андрей заметил, как Свищ перед броском незаметно трет пальцы о край засаленной банданы. Жир. Или клей. Чтобы контролировать вращение.

Первый бросок сделал Свищ. Кости покатались по столу, издав сухой стук. Выпало солнце и спираль. Неплохо, но не максимум. Пришла очередь Андрея. Он взял кости в руку. Они были теплыми и странно живыми. Он не собирался выигрывать честно — против физики не попрешь. Он собирался сделать так, чтобы Свищ подумал, что контролирует ситуацию, пока та не выйдет из-под контроля.

Андрей бросил. Одна кость встала на ребро, вторая показала череп. Череп бил солнце. Очко уходило Свищу. — Не повезло, — осклабился вожак. — Видишь, чужак, удача любит подготовленных. Тех, кто смазывает шестеренки.

Второй бросок. Свищ кинул уверенно. Выпали две спирали. Высшая комбинация в этой игре, если не считать редчайшего «Всевидающего». Почти победа.

Андрей взял кости. Поддел ногтем одну из них. Пока Свищ отвлекся на крик торговца снаружи, Андрей быстро провел большим пальцем по грани «спираль». На пальце остался след — липкий, прозрачный. Силиконовый герметик. Кто-то из прошлых соперников Свища оставил ему подарок. Андрей растер герметик по грани «череп» своей кости, сделав ее тяжелее с одной стороны. Мелочь, которая меняет физику падения.

— Кидай давай, время — патроны, — торопил Свищ.

Андрей бросил. Мягко, кистевым движением, придав минимальную ротацию. Кости ударились о столешницу. Первая замерла гранью «череп». Вторая закрутилась волчком. Медленно, бесконечно медленно она качнулась и упала. «Череп».

На столе лежало два черепа. Комбинация старше двух спиралей.

В «Метане» стало тихо. Так тихо, что было слышно, как капает конденсат с труб под потолком. Две капли упали в лужу мочи на полу. Кап. Кап.

Лицо Свища пошло пятнами ожогов. Белые рубцы побагровели. Его рука медленно поползла к голенищу сапога, где прятался свинок. Телохранители сделали шаг вперед, загораживая свет от керосинки.

— Интересная физика, — процедил Свищ. — Очень интересная. Кость сама решила лечь нужной стороной?

Андрей не стал оправдываться. Он смотрел вожаку прямо в глаза, слегка улыбаясь. Улыбка должна быть спокойной, почти скупающей. Никаких признаков страха. Страх провоцирует агрессию, уверенность заставляет задуматься.

— Старуха слепа, Свищ, — сказал Андрей, небрежно придвигая к себе выигранный фильтр. — Она иногда промахивается палкой. Оставь гнев для тех, кто пытается украсть твой бензин. Я просто забрал свое.

Один из телохранителей схватился за рукоять монтировки. Второй положил руку на плечо Андрея. Это был конец. Сейчас его выведут за ворота, прострелят колени и оставят кормить слепых собак.

И вот здесь вступала третья фаза плана. Самая рискованная. Отвлечение через абсурд.

Андрей резко выдохнул, закатил глаза и картинно схватился за сердце. — Ох... — прохрипел он, заваливаясь набок. — Командир... печень... старая контузия...

Он рухнул со скамьи на грязный пол, задрав ноги. Рейдеры опешили от такой театральности. Телохранитель убрал руку, опасаясь заразы. — Эй, доходяга, вставай! — рявкнул Свищ.

Андрей открыл один глаз. — Прости, — прошептал он трагическим шепотом. — Меня с детства укачивает, когда ставки превышают стоимость моей почки. Как увидел твои спирали, так давление и скакнуло. Доктор в бункере предупреждал: никаких азартных игр, говорит, Андрюша, сосуды слабые. А я не послушал. Вот, смотрите, руки уже синие.

Он вытянул вперед ладони. В свете лампы они действительно казались синюшными из-за густой грязи в трещинках кожи.

Сначала раздался одиночный смешок. Потом заржал тот самый громила, что смеялся минуту назад. Он хохотал, тряся огромным животом, сгибаясь пополам. Следом захихикал одноглазый бармен. Через секунду ржали уже все столы в заведении. Даже охранники Свища неуверенно переминались с ноги на ногу, пытаясь сдержать ухмылки. Вся ситуация — проигрыш главаря подозрительному чужаку, готовый поножовщина и внезапный приступ падучей с жалобами на давление — выглядела настолько нелепо, что мозг бандитов отказывался воспринимать это как угрозу. Это превратилось в цирк.

Свищ смотрел на смеющуюся кодлу, потом на валяющегося на полу Андрея, потом на свои выигранные бабки. Желваки на его скулах ходили ходуном. Еще секунда, и он бы плюнул на авторитет и прирезал шута. Но смех толпы удерживал его. Нельзя терять лицо перед своими, наказывая человека, который рассмешил весь притон.

Вожак медленно вынул руку из-за голенища. Достал самокрутку. Прикурил от фитиля лампы. Глубоко затянулся, выпустил облако едкого дыма. — Встал, — сипло приказал он. — Встал и пошел отсюда, шутник. Фильтр твой. Жри его.

Андрей поднялся, отряхивая плащ. Движения его были медленными, подчеркнуто слабыми, поддерживая легенду о больном сосудах. — Спасибо, командир, — серьезно сказал он. — Ты продлил мою жизнь минимум на двести километров. Если буду в районе Шатуры и найду тот склад — первая канистра спирта твоя. Поставишь памятник своему великодушию.

Он развернулся к выходу. Спина была самым уязвимым местом. Каждый шаг отдавался звоном в ушах. Он ждал удара в позвоночник, звука взведенного курка. Но ударов не было. Только спины расступающихся рейдеров, которые продолжали посмеиваться ему вслед.

Когда тяжелая дверь «Метана» отрезала его от шума и вони кабака, Андрей позволил себе глубоко вдохнуть ночной воздух. Сердце колотилось где-то в горле. Ноги стали ватными. Адреналиновый отходняк накрыл тяжелой, дрожащей волной. Он прислонился к холодной броне бензовоза, сжимая в кармане драгоценный фильтр.

Выигрыш ножа дал ему уважение. Проигрыш ножа дал бы ему смерть. Актерская игра дала ему нечто большее.

Из темноты переулка показалась фигура. Это был тот самый громила, который смеялся громче всех. Тот, что сидел за ближайшим к двери столом. Он подошел, оглядываясь по сторонам. В руках он крутил дешевую пластиковую зажигалку. — Эй, чистый, — позвал он. Голос у него был неожиданно высоким для такой туши. — Погоди.

Андрей напрягся, но виду не подал. Руку держал недалеко от автомата. — Чего тебе? Сигареты кончились? — Приборка барахлит, — громила протянул ему зажигалку. — Свищ психанул, когда ты кости швырять начал. Думал, ты магниты подсунул. Приказал ребятам пробить дорогу на случай, если ты начнешь стрелять. Ребята нервные. Стволы чистили. Патроны рассыпали. Короче, никто ничего не слышал, кроме твоего храпа на полу.

Он помолчал, щелкая колесиком зажигалки. Искры вылетали в темноту. — Ты спросил про юг, — продолжил громила. — Свищ наврал тебе. Нет там никакого пожара. Есть хуже. Сухой туман. Едешь по трассе — видимость десять метров. Выходишь из машины — вязнешь

в пыли по пояс. Земля трескается, как стекло. И тишина. Такая, что кровь из ушей течет. Ни птиц, ни зверей. Только башни из костей стоят. Мародеры ставят. Примета такая: поставил башню — значит, место чистое, аномалий нет.

Он наклонился ближе, запахло чесноком и машинным маслом. — Мой кореш ходил туда месяц назад. Привез странную штуку. Похожа на компас, только стрелка крутится бешено и светится синим. Говорил, ведет к воде. Живой воде. Той, что раны затягивает. Его через неделю собаки съели, а приборчик я прибрал. Могу сменять. На воду. Двадцать литров чистой. Или на инфу. Я знаю обходную тропу мимо Орды. Старая узкоколейка. Зброшены туннели. Ржавчина там такая, что свод сыпется, зато патрулей нет. Проводником пойду. За половину груза, что вынесешь. Имя мое — Батон.

Андрей смотрел на этого огромного, нелепого и смертельно опасного человека. Батон не просил аванса. Он предлагал сделку. В мире, где слово стоило меньше плевка, это было почти родственной клятвой.

— Почему помогаешь? — спросил Андрей. — Из-за шутки? — Из-за шутки живут только идиоты, — фыркнул Батон. — Я помогаю, потому что Свищ зажрался. Скоро начнет своих резать, чтоб хабар не делить. А ты... ты неправильный. Ты улыбаешься, когда страшно. Такие либо первымидохнут, либо уходят дальше всех. Мне надоелодохнуть на одном месте. Хочу увидеть море. Говорят, оно там соленое. Никогда не ел ничего соленого, кроме слез.

Андрей задумался. Туннели звучали как ловушка. Но альтернатива — ехать по открытой степи под прицелом Огненных Цепей — звучала как гарантированное погребение.

— Двадцать литров воды у меня есть, — сказал Андрей. — В бункере плесенью пошла, пить нельзя, технику мыть — самое то. Плюс отдаю вон тот спальник. Синтетика, греет даже мокрым. Батон осмотрел спальник, взвесил его в огромных лапищах. Кивнул. — По рукам. Выходим через час. Луна пойдет на убыль, стража на вышках будет спать. Проверь колеса своего самоката, чистый. До Ока-реки нам придется бежать очень быстро.

Батон бесшумно растворился в тених рынка.

Андрей остался один. Он вытащил карту. Посветил на нее диодом фонарика. Нашел ниточку железной дороги, уходящую на юго-запад. Тонкая линия среди коричневых пятен зараженных зон. Последний известный маршрут. Последняя надежда.

Он отстегнул флягу, свинтил крышку и глотнул теплой, отдающей пластиком воды. Марина. Если она прошла этим путем, если ее следы ведут сквозь сухие туннели, он пройдет за ней.

Андрей поднял голову. Серое небо начало сочиться редким, мелким дождем. Капли падали на лицо, смывая грязь и пот последних часов. Он чувствовал вкус соли на губах. То ли дождь был соленым от испарений мертвого моря, то ли это сказывалось на напряжении. Он стер влагу перчаткой, забросил рюкзак на плечи и пошел искать свой транспорт. Время игры в кости закончилось. Начиналось время долгого пути домой.

Глава 2. Бар "У Последнего Пессимиста"

Тула встретила их запахом горелого сахара.

Этот аромат был настолько густым, приторным и неуместным среди серой пыли и остовов бронетехники, что первые полчаса Андрей физически не мог сглотнуть слюну. Он стоял на гребне холма, где когда-то заканчивалась объездная дорога, и смотрел на город-призрак. Тула сгорела красиво, если можно применить это слово к массовой гибели людей. Огонь прошел по ней избирательно, словно пьяный художник с огнеметом. Спальные районы превратились в черные зубья, торчащие из земли, а вот исторический центр... Центр оплавился. Кирпичные стены кремля покрылись стекловидной глазурью вишневого цвета, купола храмов просели внутрь, как проколотые мячи, а асфальт превратился в волнистое черное стекло, отражающее тусклое небо.

Но самым страшным был самоварный завод. Вернее, то место, где он находился. Огромные чаны с патокой и сахарным сиропом для кондитерской фабрики лопнули от жара тридцать лет назад. Сироп выплеснулся на улицы, смешался с дождями и бетонной крошкой, застыв причудливыми, искрящимися на свету сталагмитами. Сейчас ветер гонял по этим стеклянным джунглям мелкую угольную пыль, и она скрипела на зубах Андрея вкусом дешевой карамели.

— Сладкая смерть, — хмыкнул Батон, сплевывая вязкую слюну за борт квадроцикла. — Говорят, те, кто оказался здесь в день удара, умерли счастливыми. Задохнулись в парах жженного сахара быстрее, чем поняли, что кожа плавится. Я бы предпочел пулю.

Андрей ничего не ответил. Он поправил респиратор. Фильтр Свища работал исправно, отсекая сладкую вонь, но глаза слезились. Они пробирались через город уже третий час, ведя свои машины — старый, гремющий костями эндуро Андрея и переделанный под три оси грузовой трайк Батона — буквально по трупам улиц. Приходилось постоянно петлять, объезжая провалы, заполненные густой, черной жижой неизвестного происхождения. Иногда эта жижа пузырилась, выпуская наружу пузырь метана, пахнущий тухлыми яйцами и детским питанием.

Они искали воду. Любой анклав строится вокруг воды или энергии. В Туле не было ни того, ни другого в чистом виде. Зато здесь была геотермальная активность — земля местами дышала жаром, подогреваемая остатками каких-то подземных коммуникаций. И именно этот жар позволил выжить одному странному месту.

Батон остановил свой трайк у перекрестка, заваленного скелетами детских колясок. Он указал стволом обреза вниз, в темноту подвального окна жилого дома сталинской постройки. — Пришли, — сказал великан. — Только учти, чистый, там народ нервный. Стволы на входе сдавать обязательно. У них правило такое. Оставишь при себе нож длиннее ладони — будешь танцевать со своей селезенкой на полу.

Вход в бар выглядел как пасть сказочного чудовища. Массивная стальная плита, явно снятая с банковского хранилища, лежала под углом, прислоненная к пролому в стене. Изнутри тянуло теплом, запахами жареного лука, табака и кислым духом перебродившего зерна. А еще оттуда доносился звук. Скрипичный плач. Кто-то играл Рахманинова на расстроенном инструменте, отчаянно фальшивя на высоких нотах.

Андрей снял автомат, вытащил рожок, передернул затвор, выбрасывая патрон из ствола, и положил оружие на общую полку у входа. Рядом лег тяжелый пистолет Токарева и нож. Батон оставил только обрез двустволки, демонстративно повесив его дулом вниз на пояс так, чтобы снять было невозможно без ампутации пальцев. — Порядок, — кивнул Батон охраннику — одноглазому парню с лицом, похожим на плохо прожаренный блин. — Это со мной. Не бузит, платит наличными.

Спуск занял десяток крутых ступеней. Когда тяжелая дверь внизу закрылась, отрезав внешний мир, Андрею показалось, что он попал в машину времени, откатившуюся на полвека назад.

Подвал был огромен. Бывшая холодильная камера ресторана. Потолок поддерживали толстые колонны, обложенные белым кафелем, который сейчас потемнел от копоти тысяч свечей. Свет давало электричество. Настоящее, стабильное, мигающее теплым желтым накалом лампочек Эдисона. Где-то внизу действительно бил горячий источник; трубы отопления, обмотанные асбестовыми лохмотьями, едва слышно шипели, отдавая тепло пространству. Здесь было почти уютно. Настолько, насколько может быть уютно в склепу.

За длинными столами сидели люди. Но это были не рейдеры Рязани-Сити. Там царил право кулака. Здесь же висело облако тяжелой, философской усталости. Мужчины в чистых, хоть и залатанных свитерах. Женщины с замысловатыми прическами, сделанными при свете керосинки. Здесь читали книги — Андрей заметил стопки пожелтевших томиков прямо на полу рядом с одним из столов. Здесь играли в шахматы выточенными из хлеба фигурками. Люди пили, но делали это тихо, методично, словно выполняли важную медицинскую процедуру.

Прямо по центру зала возвышалась стойка из мореного дуба, которая, казалось, пережила даже ядерный взрыв, лишь покрывшись сеткой мелких трещин. За ней орудовал человек, которого иначе как Хранителем Печали назвать было нельзя. Высокий, абсолютно лысый старик с бородой до пояса. На носу у него сидели очки в золотой оправе без одного стекла. Одет он был в бархатный жилет поверх рубашки с манжетами. Манжеты были ослепительно чистыми и скреплялись запонками из стреляных гильз калибра 7.62.

Старик протирал стакан белой тряпичей с таким видом, будто от чистоты этого стекла зависела судьба галактики. — Опять ты, Батон, — проскрипел старик, не поднимая глаз. — Своим ходом таракана привез? — Таракан самостоятельный, Еремей, — гулко ответил Батон, занимая место у стойки. — Налей ему твоего фирменного уныния. Парень ищет женщину. Значит, платить будет долго и много, пока надежда не кончится.

Еремей — бармен — наконец поднял взгляд. Глаза у него были бледно-голубые, водянистые, лишённые всякого выражения. Он посмотрел на Андрея, оценил слой дорожной грязи на его плаще, мозоли на руках, пустой чехол от ножа на поясе. — Искать женщин после тридцати лет зимы — это самая дорогая форма безумия, юноша, — произнес Еремей. Голос у него был глубокий, поставленный, какой бывает у старых актеров МХАТа. — Безумие стоит пять гильз за глоток. Платишь вперед.

Андрей выложил на стойку латунь. Старик ловким движением смахнул ее в ящик, достал темную бутылку без этикетки и плеснул в граненый стакан янтарной жидкости.

Андрей понюхал. Нос уловил сложную гамму: дуб, мед, легкая нота плесени и что-то неуловимо аптечное. Он сделал глоток. Самогон прокатился по пищеводу жидким огнем, но во рту оставил послевкусие настоящего коньяка, которого Андрей никогда не пил, но о котором читал в довоенных книгах. Напиток согрел желудок и заставил дрожь в коленях отступить. — Крепко, — выдохнул Андрей. — Это настойка на корнях мандрагоры, которую мы выращиваем в четвертом коллекторе, — скучающим тоном пояснил Еремей. — Помогает принять неизбежность смерти. Или хотя бы смириться с ценой на фильтры. Зачем тебе женщина? Хочешь сделать ей больно? У нас тут есть отличные инструменты в подсобке, могу договориться. — Хочу найти живой, — сухо ответил Андрей. — Зовут Марина. Рост метр семьдесят. Каштановые волосы, коротко стриженные. Шрам от ожога на левом предплечье в форме капли. Поет, когда режет лук.

Еремей перестал протирать стакан. Впервые за все время в его глазах мелькнул интерес. Профессиональный интерес гробовщика, которому принесли нестандартный заказ. — Поет... — повторил он. — В мире осталось мало певцов. Все больше крикунов. Ты знаешь, парень,

почему я назвал эту дыру «У Последнего Пессимиста»? — Потому что оптимисты давно съели друг друга? — предположил Андрей. — Нет. Оптимизм требует веры в чудо. Пессимизм требует веры в логику. Я самый большой идеалист в этом городе, потому что мой бизнес построен на уверенности клиентов, что завтра будет хуже, чем сегодня. Я единственный гарантирую стабильность упадка.

Он наклонился через стойку, приблизив свое лицо к лицу Андрея. От старика пахло сухой бумагой и спиртовым антисептиком. — Две недели назад, — прошептал Еремей, — сюда спускались караванщики. Южане. Торговцы оружием из-под Воронежа. Лица у них были такие, будто они лично похоронили Бога и теперь ищут свидетелей для завещания. С ними была девка. Лихая. Волосы короткие, торчат ежиком — экономит на шампуне, значит, в пути давно. Левую руку бинтовала очень аккуратно, боялась мочить. Знаешь, как выглядят старые ожоги? Кожа глянцева, натянутая. Она прятала руку, но шрам видела моя девочка-официантка, когда подавала им рагу. Девка пела. Что-то тихое, надрывное. Про кузнечика, кажется. Сидела на ящике с гранатами и плакала, пока остальные считали патроны.

Сердце Андрея пропустило удар, а затем забилося вдвое чаще, отдавая пульсом в висках. Кузнечик. Та самая дурацкая детская песенка. Совпадений такого уровня не бывает. Если только это не чья-то жестокая шутка. Но лица этих южан, описанные Еремеем, не располагали к розыгрышам. — Куда они шли дальше? — спросил Андрей, сжимая стакан так, что побелели костяшки. — Юг закрыт, — пожал плечами бармен. — Большая Степь высохла окончательно. Земля трескается, ветра несут стеклянную пыль, которая режет легкие лучше наждака. Обычные дороги стерегут Железные Братья — сектанты на ржавых комбайнах. Через них не пройти. Караванщики ушли старым трактом. Через Засечный лес. Но это самоубийство. Лес живет своей жизнью. Деревья там растут со скоростью мысли, корни прорывают фундаменты. Да и зверье... — Мне нужно направление, — перебил Андрей. — Хотя бы азимут.

Еремей вздохнул. Его театральный цинизм испарился, уступая место человеческой, почти отеческой жалости. — Мальчик мой, — сказал он мягко. — Надежда — это самый дефицитный товар. Цена на нее растет пропорционально расстоянию. Я дам тебе карту старого метрополитена. Часть веток выходила на поверхность за городом, переходя в дренажные штольни. Они ведут в сторону Орловского тракта. Это даст тебе километров сорок форы, прежде чем ты окажешься в открытом поле. Но взамен... — Что взамен? — напрягся Андрей. — Патроны? Вода? — Взамен ты мне сыграешь, — Еремей кивнул головой в сторону угла, где на барном стуле стояла старая гитара. Довоенная, шестиструнная, с трещиной на деке, заклеенной синей изолентой. — Ты выглядишь как мясник, который решил переквалифицироваться в археолога. Руки грубые, но чистые. Такие бывают либо у хирургов, либо у тех, кто часто моет их от чужой крови. У тебя в походке ритм. Дай мне стихи.

Андрей растерялся. Он ожидал чего угодно: требования отработать мытьем посуды, драки, попытки ограбления. Но требование прочитать стихи в бандитском кабаке посреди мертвого города звучало как сюрреалистический бред. — У меня нет стихов, — соврал он. На самом деле блокнот с записями лежал на дне рюкзака, обернутый в полиэтилен. Он начал вести его год назад, когда понял, что начинает забывать звучание собственного голоса. — Есть, — уверенно отрезал Еремей. — Иначе ты бы не выжил. Те, кто не рифмует ужас, сходят с ума на первой неделе. Садись. Народ хочет культуры. Сегодня вечер поэзии, раз уж пианино утонуло в канализации.

Бармен громко хлопнул в ладоши. Разговоры за столами медленно стихли. Шахматные партии замерли. Люди поворачивались. Их взгляды не были враждебными. Скорее любопытными. Так смотрят посетители театра на внезапно вышедшего на сцену рабочего сцены.

Андрей почувствовал, как к щекам приливает кровь. Он ненавидел публичность. Но мысль о Марине, находящейся в компании вооруженных торговцев, придавала смелости. Он

взял гитару. Колки провернулись туго, издав жалобный стон. Он провел пальцами по струнам, настраивая их на слух. Звук был глухим, плоским, но узнаваемым.

Он откашлялся. Вспомнил текст. Это было стихотворение, которое пришло ему в голову, когда он хоронил дозорного своего бункера. Тот умер от аппендицита, потому что антибиотики закончились еще пять лет назад. Простая, глупая смерть в мире, где должны были править лазеры и звездолеты.

Мы строили ковчеги из бетона и свинца, Считали мегатонны, ждали гневного конца. А Бог пришел с пинцетом, вырезал слепую нить, И нам пришлось под грязным снегом мертвых хоронить.

Здесь счетчики молчат в истлевших кобурах, И лучший друг планеты — радиоактивный прах. Мы думали, титаны будут рушить города, Но тишина пришла. Навечно. Навсегда.

Андрей пел негромко, почти проговаривая слова речитативом под простенький гитарный бой. Он не старался попадать в ноты. Он вкладывал в каждое слово усталость трех десятилетий выживания. Усталость от холода, от вкуса мокрой резины во рту, от необходимости нажимать на спусковой крючок раньше соседа.

Когда он закончил, в баре повисла тишина. Такая плотная, что казалось, ее можно резать ножом. Никто не шевелился. Девушка-официантка, совсем подросток с бледным лицом, стояла с подносом в руках, и по грязной щеке катилась слеза. Даже Батон, допивающий свою порцию, забыл поставить стакан на стойку.

Затем один из мужчин за дальним столом — седой, интеллигентного вида человек в профессорских очках, перемотанных ниткой — медленно трижды хлопнул в ладоши. Сухой, деревянный звук. К нему присоединился второй. Третий. Вскоре весь подвал взорвался сдержанными, уважительными аплодисментами. Люди улыбались. Не радостно, а благодарно. Словно Андрей только что напомнил им, что они всё ещё люди, способные чувствовать горе, а не просто механизмы по переработке тушенки в калории.

Еремей забрал у него гитару. Протер деку той же белоснежной тряпицей. — Хорошо, — кивнул он. — Очень хорошо. Особенно строчка про пинцет. Это чистая правда бытия. Держи.

Он бросил на стойку сложенный вчетверо пластиковый лист. Карта. Старая, ламинированная схема канализационных коллекторов южной части области. — Вход в коллектор номер четырнадцать — в двух кварталах отсюда, за перевернутым троллейбусом. Там живут бомжи, они проведут тебя до шахт за банку рыбных консервов. Дальше пойдешь один. Штольни сухие, но смотри под ноги. После войны туда сливали химию с заводов. Газ иногда скапливается. Один вдох — и твои легкие станут похожи на швейцарский сыр.

Андрей убрал карту во внутренний карман, ближе к сердцу. — Спасибо, Еремей. Если выберусь... — Не надо, — махнул рукой бармен. — Просто выживи. Хорошая литература нынче пишется кровью на снегу, а не чернилами. Буду ждать продолжения.

Напряжение последних минут схлынуло, оставив после себя звенящую пустоту в голове и дикий, животный голод. Адреналин сожрал последние углеводы в организме. Андрей чувствовал, что если сейчас не съест чего-то горячего, просто потеряет сознание. — Эй, чистый, — раздалось сбоку. — Чего стоишь столбом? Место свободное есть, иди к нам.

Голос принадлежал девушке. Молодой, звонкий, совершенно не вписывающийся в атмосферу кладбищенского покоя бара. Андрей повернул голову.

За угловым столом, сдвинув в сторону кружки с элем, сидели трое. Две девушки и парень. Одеты они были странно: в какие-то перешитые шинели, на ногах — тяжелые берцы, но на шеях повязаны яркие шарфы кислотно-зеленого и оранжевого цветов. Выжившее студенчество. Местный педагогический институт, судя по нашивкам на рукавах, которые пытались сохранить корпоративную символику. — Мы празднуем сдачу сопромата, — весело сообщила та, что позвала его. У нее были веснушки, россыпью покрывавшие переносицу, и ярко-рыжие волосы, собранные в два пучка. — Профессор Уткин принял у нас экзамен прямо здесь. Ска-

зал, что сопротивление материалов жизни мы прошли на отлично. Меня зовут Соня. Это Вера, а это Макс. Выпей с нами, спаситель мира. У тебя вид человека, который только что узнал плохую новость.

Андрей оглянулся на Батона. Великан уже нашел компанию суровых мужиков в углу и вовсю травил байки, размахивая руками. Он был в своей стихии. — Мой сопромат закончился десять лет назад, — усмехнулся Андрей, садясь на предложенный шаткий стул. — Но против компании я ничего не имею.

Соня тут же схватила его за руку и потянула куда-то вглубь зала. — Пойдем! Ребята, расступись!

Макс включил магнитофон. Кассетный, работающий от батареек. Из динамиков полилась музыка. Громкая, ритмичная, электронная. Какой-то старый евродэнс, искаженный помехами, но невероятно бодрый. Для подземелья, освещаемого свечами, это звучало как гимн инопланетной цивилизации.

— Танец последнего курса! — крикнула Вера, худенькая брюнетка с пирсингом в носу. — Главное правило — никто не думает о завтрашнем дне!

Она схватила Андрея за вторую руку. Он попытался отстраниться, сославшись на отсутствие навыков, но девчонки были настойчивы. Они втянули его в центр свободного пространства между столами.

Это было самое абсурдное зрелище в его жизни. Закаленный убийца мутантов, человек, способный освежать крысу голыми руками и спать на морозе в сугробе, стоял в кругу смеющихся детей. Соня начала прыгать на месте, тряся рыжими хвостиками. Ее движения были хаотичными, лишенными всякой техники, но наполненными такой чистой, незамутненной радостью, что Андрей невольно засмотрелся.

Вера дергалась, закрыв глаза, запрокинув голову. Макс крутил девушку в зеленом шарфе в нелепом подобию вальса.

— Расслабь плечи! — кричала Соня Андрею сквозь музыку. — Ты танцуешь, как дефибриллятор! Мягче! Представь, что ты водоросль в радиоактивном ручье!

Андрей замер на секунду. Затем он вдруг рассмеялся. Впервые за долгие годы он смеялся искренне, до боли в животе, глядя на прыгающую веснушчатую физиономию студентки. Вся тяжесть поиска, страх туннелей, вонь Тульского сиропа и боль от потери Марины отошли на второй план. Остался только ритм басов, отдающийся в половицах, липкий пол под ногами и ощущение абсолютной, детской иррациональности происходящего.

Он расслабил плечи. Подхватил ритм. Начал двигаться — неуклюже, по-медвежьи переступая с ноги на ногу, но попадая в такт. Он видел, как Еремей за стойкой качает головой в такт музыке, продолжая протирать свой бесконечный стакан. Видел, как Батон показывает ему большой палец, подняв кружку.

Соня схватила его руки и попыталась закружить. Андрей, будучи выше ее на две головы и тяжелее килограммов на сорок, чуть не упал, увлекаемый ею, но удержал равновесие, сделав широкий шаг. Каблуком тяжелого берца он случайно наступил девушке на носок ботинка. — Ой! — пискнула она. — Ничего, это ритуальное посвящение! Теперь ты официально принят в клуб безнадежных романтиков!

Они танцевали минут двадцать. Музыка сменялась — от диско к чему-то тягучему и грустному, потом снова к быстрому. Андрей вспотел. Пропитанный пылью плащ казался свинцовым. Но вместе с потом уходила хроническая тревога. Мышцы, привыкшие быть всегда напряженными для броска или стрельбы, впервые за долгое время работали просто ради движения. Ради биения сердца.

Когда кассета закончилась с характерным щелчком, студенты рухнули на стулья тяжело дыша. Вера разливала по жестяным кружкам какую-то брагу. — Ты отличный партнер, — заявила Соня, плюхаясь рядом с Андреем. Ее лицо покраснелось, веснушки сияли на красном

фоне. — Обычно мужчины в этом баре умеют только пить и смотреть в одну точку. Максимум — играть в шахматы фигурами из человеческих зубов. А ты двигаешься. Жизнь чувствуется. — Это мышечная память, — отмахнулся Андрей, принимая кружку. — Рефлекс уклонения от пуля, переведенный в горизонтальную плоскость. — Отличная метафора! — восхитился Макс, хлопнув его по плечу. — Тебе точно надо выпить с профессором Уткиным. Он обожает черный юмор.

Андрей отпил браги. Она была сладковатой, газированной и слабоалкогольной. Почти лимонад. Он поставил кружку на стол и посмотрел на ребят. Им было не больше двадцати. Они родились уже в темноте. Они никогда не видели чистого неба, не чувствовали запаха озона после грозы, не знали вкуса настоящих фруктов. Весь их мир ограничивался этими стенами, редкими вылазками за хабаром и легендами о прошлом. Но они нашли в себе силы создавать клубы, сдавать экзамены, носить яркие шарфы и танцевать под севшие батарейки.

— Расскажите мне про Засечный лес, — попросил Андрей, возвращаясь к своей цели, но стараясь не разрушать хрупкую атмосферу доверия. — Еремей говорит, деревья там живые. — Старый ворчун преувеличивает, — фыркнул Макс. — Деревья обычные. Дубы. Просто они злые. После выброса споры пошли в рост аномально быстро. Корневая система там агрессивная. Идешь по тропинке, оглянулся — а сзади уже кустарник сомкнулся. Лес пожирает металл. Оставишь мотоблок на неделю — вернешься, а он уже внутри дуба, оброс корой. — А люди? — спросила Вера серьезно. — Бродяги говорят, там пропадают. — Пропадают, — кивнула Соня, сразу став тише. — Но не деревья их едят. Там база Чистильщиков. Секта такая. Они считают, что природа должна очиститься от человеческого мусора. Ходят в масках из коры. Вооружены арбалетами с отравленными стрелами. Тихие, как тени. Если услышишь, как птица замолчала в лесу — беги. Значит, они уже взяли тебя в треугольник.

Информация ложилась на карту ровными штрихами. Засечный лес. Чистильщики. Агрессивная флора. Путь к Воронежу лежал через ад, но это был конкретный, понятный ад. Лучше, чем туманная угроза сухих степей.

— Спасибо, — искренне сказал Андрей. — Вы дали мне больше, чем бармен за стихи. — Стихи хорошие, — Соня толкнула его локтем. — Прочитай еще что-нибудь? Только веселое. А то хочется опять пойти трясти телесами, а батареи сдохли.

Андрей задумался. Веселых стихов у него не было. Но была одна зарисовка, написанная в вентиляционной шахте, когда он наблюдал, как паук-мутант размером с тарелку пытается сплести паутину между лопастями работающего вентилятора.

— Ладно, — согласился он. — Слушайте. Называется «Инженерная лирика».

Он встал, оперся рукой о стену, приняв максимально нелепую поэтическую позу, вызвав смех студентов.

Паук-инженер плетет электросеть, Чтоб мухам-комарам удобней было тлеть. Он знает сопромат и силу натяженья, И ждет большого мухпада с нетерпеньем...

Студенты взвыли от хохота. Даже суровый охранник у двери улыбнулся в бороду. Смех заполнил подвал, вытесняя запах гари и смерти.

Вечер продолжался. Андрей остался с ними еще на час. Он рассказывал им выдуманные истории о довоенном море (сам он видел его только на картинках), слушал их жалобы на профессора Уткина, который снизил балл за использование туалетной бумаги вместо чертежной, и пил их сладкий, пузырящийся напиток.

Где-то около полуночи — определить точнее помогали только внутренние часы — Батон подошел к столу. Он навис над ними скалой, источающей перегар и запах оружейной смазки. — Чистый, — пробасил он. — Твои новые подружки милые, но рассвет наступает быстро. А в коллекторах крысы особенно наглые по утрам. Нам пора двигать железные задницы, если хотим выйти из города до патрулей.

Соня погрузнела. Она смотрела на Андрея своими огромными, доверчивыми глазами. — Ты ведь найдешь ее? — тихо спросила она. — Найду, — твердо ответил Андрей.

Он поднялся. Обнял каждого из студентов. Объятие получилось неловким, костлявым с его стороны и мягким, испуганным с их, но искренним. — Берегите батарейки, — сказал он на прощание. — А ты береги душу, танцующий медведь! — крикнула вслед Соня.

Выход на улицу был похож на удар ледяной водой. Теплый, вонючий уют остался позади. Мир снова стал серым, опасным и холодным. Редкий дождь прекратился, но влажность оседала на лице пленкой.

Батон ждал его возле машин. Он уже успел прикрутить к своему трайку дополнительный канделябр из арматуры. — Ну что, Ромео? — ухмыльнулся гигант. — Нагулялся? Набрался культурного кода? — У меня есть вход в коллектор и информация о пауках-инженерах, — ответил Андрей, затягивая ремни рюкзака. — Плюс координаты секты любителей деревьев. День прожит не зря. — Оптимист, — констатировал Батон, забираясь в седло. — Самый опасный тип попутчика. Всегда верит, что следующая яма будет мельче предыдущей. Поехали, пока Еремей не передумал и не запросил за карту твой левый глаз.

Они завели двигатели. Рев моторов разорвал тишину ночной Тулы. Андрей посмотрел вверх, на полоску неба между разрушенными фасадами. Звезд не было. Небо было низким и равнодушным.

Он развернул мотоцикл в указанном направлении. След вел на север, в сырую, темную пасть городской канализации. Но след был горячим. Мысль о Марине больше не пульсировала болью. Она горела ровным, сильным пламенем, как фитиль хорошей лампы. Впереди была тьма, но теперь у этой тьмы было имя и направление.

Глава 3. Кости судьбы

Дорога на юг пахла озоном и гниющей плотью.

Выбравшись из бетонного чрева тульских коллекторов, Андрей и Батон оказались в предместьях, которые природа пыталась переварить с аппетитом голодного зверя. Асфальт исчез под слоем рыжей, похожей на ржавчину грязи. Она пузырилась мелкими кратерами, источая зловонный газ. Деревья вдоль обочин трассы М-2 разрослись до чудовищных размеров. Дубы-великаны сплелись кронами, образовав живой тоннель, сквозь который едва пробивался тусклый дневной свет. Их корни взламывали остатки дорожного полотна, торча из земли черными, узловатыми венами.

Батон вел свой трехосный трайк медленно, постоянно маневрируя между воронками от снарядов тридцатилетней давности, заполненными мутной водой. Андрей держался чуть позади на своем эндуро. Двигатель мотоцикла работал на пределе, кашляя сизым дымом от смеси самогона и отработанного масла. Каждый километр давался с боем. Им пришлось дважды форсировать ручьи, вода в которых имела неестественный химический оттенок — один раз ядовито-зеленый, другой раз — молочно-белый, густой, как кисель. В этой белой воде что-то плавало. Что-то размером с крупную собаку, покрытое жесткой шерстью и лишившееся глаз. Оно проводило их равнодушным взглядом белесых белым и ушло на дно.

К полудню третьего дня пути они слышали гул. Низкий, вибрирующий звук, который заставил Андрея инстинктивно сбросить скорость и положить руку на цевье автомата. Звук шел навстречу, со стороны юга. Это был не рев одиночного мотора и не вой мутантов. Это был ритмичный лязг десятков механизмов.

Из-за поворота, скрытого густым туманом испарений, показалась голова каравана.

Это было передвижное кладбище технологий. Впереди полз старый гусеничный тягач МТ-ЛБ, выкрашенный в радикальный розовый цвет поверх облупившейся армейской краски. На его броне были приварены листы рифленого железа, а сверху установлена спаренная зенитная установка ЗУ-23, стволы которой смотрели в низкое небо. За тягачом шли три тяжелых грузовика «Урал», кузова которых превратили в настоящие крепости из арматуры и натянутой колючей проволоки. Между колесами машин бежали люди на велосипедах без шин — просто металлические ободья, стучащие по бетону. Замыкала процессию самоходная платформа, собранная из кабины комбайна и шасси танка Т-72. Из выхлопной трубы валил густой черный дым, оставляя за караваном жирный угольный шлейф.

— Южане, — процедил Батон сквозь респиратор. — Караван братьев Орловых. Самая отморозенная логистическая компания к востоку от Урала. Торгуют всем: от патронов до живого товара. С ними шутки плохи, чистый. Они улыбаются тебе, пьют твой самогон, а потом продают твои почки своим же клиентам в качестве закуски. — Нам нужно пройти Засечный лес, — ответил Андрей. — Сами мы будем рубиться через него неделю, пока нас не насадят на ветки Чистильщики. Эти пройдут везде. Попробуем пристроиться в хвост.

Он поднял левую руку вверх, сжатую в кулак — универсальный знак мирных намерений, означающий «у меня нет оружия в руках». Правая рука оставалась на автомате. Классическая поза доверия в мире паранойи.

Караван остановился. Из люка розового тягача высунулся человек. Он был одет в длинный кожаный плащ, сшитый из сотен мелких кусочков разной фактуры. Лицо скрывал противогаз старой модели ГП-7, но вместо стандартных фильтров к нему были прикручены две стеклянные банки с какой-то шевелящейся зеленой жидкостью внутри. Человек помахал рукой в тяжелой перчатке. — Залетные! — голос из динамика противогаза звучал глухо и искаженно, напоминая скрежет пенопласта по стеклу. — Куда путь держим? К Богу или сразу в переработку? — На Воронеж! — крикнул Андрей. — Ищем попутный ветер! — Попутный ветер

нынче дует только в сторону кладбища! — заржал человек. — Но места в тени у нас есть. Подкатывай, расскажешь сказку на ночь. Старший Орлов любит свежие байки.

Их пропустили внутрь периметра. Ощущение безопасности тут же испарилось. Как только мотоциклы заглушили двигатели, Андрей понял, что находится внутри мышеловки. Со всех сторон их окружали вооруженные люди. Не рейдеры с обрезами, а дисциплинированные наемники. Оружие одинаковое (в основном АК сотой серии), экипировка подогнана, взгляды пустые и профессиональные. Эти ребята убивали так же буднично, как чистили зубы.

Старший Орлов оказался невысоким, плотным мужчиной с абсолютно лысой головой, покрытой сложными татуировками, изображающими карту звездного неба. Противогаз он снял, повесив его на грудь. Вместо лица у него была неподвижная маска из пересаженной кожи неизвестного происхождения — слишком гладкая, лишенная пор, с глазами светло-серого цвета, в которых не отражалось ничего. — Говоришь, на Воронеж? — спросил Орлов, разглядывая Андрея, как биолог разглядывает редкого жука. — Там сейчас пепел с дождем идет. Местные научились делать стекло прямо в лужах. Зачем тебе туда, сталкер? — Женщину ищу, — коротко бросил Андрей. Ложь про склады Росрезерва здесь могла стоять жизни; эти люди знали каждый камень на юге. Правда иногда обезоруживала лучше пистолета. — Женщина — это самый дорогой вид багажа, — усмехнулся Орлов. Его кожа на лице слегка натянулась, имитируя эмоцию, но глаза остались мертвыми. — Особенно если она ушла добровольно. Присоединяйтесь. Правила простые: едете в середине колонны. Ночью дежурите по графику. Еду покупаете у моего повара. Вода своя. Если начнется замес — умираете последними, чтобы мои мальчики успели перезарядиться. По рукам?

Андрей протянул ладонь. Рукопожатие Орлова было сухим и твердым, как деревяшка.

Вечером караван встал на стоянку в остане заброшенного элеватора. Место было выбрано грамотно: высокие бетонные стены давали защиту от ветра, а единственный подъезд легко простреливался. Пока наемники Орлова выставляли растяжки с сигнальными ракетами по периметру, пассажиры и охрана рангом пониже разводили костры прямо на бетонном полу. Огонь разводили скупно, используя прессованные брикеты из сушеных водорослей — они горели ровным синим пламенем почти без дыма.

Атмосфера в лагере была напряженной. Люди сбивались в группы по принципу принадлежности к машине. Возле огромного колеса «Урала» сидели суровые мужики в ватниках. Рядом с платформой-танком расположилась группа южан в ярких банданах, играющих в кости.

Андрей отошел подальше от основного скопления людей, ближе к завалу из железобетонных перекрытий. Ему нужно было подумать. Карта из коллектора вела строго на юго-запад, огибая крупный лесной массив. Но обход добавлял два дня пути, а припасы таяли быстрее, чем снег в радиативной печи. Кроме того, интуиция подсказывала ему, что Марина, всегда презиравшая легкие пути, пошла бы напрямик.

Он сел на перевернутый ящик, достал из внутреннего кармана жилета замшевый мешочек. Внутри тяжело стукнули бабки. Те самые, выигранные еще в Рязани-Сити, отполированные временем и чужими страхами.

— Играешь? — раздалось из темноты.

К костру подошел один из наемников Орлова. Молодой парень, лет двадцати пяти, с обожженным наполовину лицом. Левая сторона выглядела нормально, правая представляла собой сплошной глянцевый рубец без ресниц и бровей. Глаз на этой стороне был затянут молочной пленкой. — Бывает, — кивнул Андрей. — Садись, стрелок. Только учти, я играю на желания. Деньги здесь ни к чему, ими разве что задницу подтереть удобно перед смертью.

Парень оскалился половиной рта. Смех вышел жутким. — Меня зовут Шрам. А деньги мне нужны, чтобы купить новые кишки. Старые сгнили от плохой воды. Так что играть буду на интерес. Или на информацию.

Шрам вытащил свои кости. Пластиковые, белые, залитые прозрачной смолой. Внутри каждой смолы была запаяна настоящая человеческая фаланга пальца. Маленькие косточки казались янтарными инкрустациями. — Семейная реликвия, — пояснил Шрам, заметив взгляд Андрея. — Дедушка собирал. Хороший был хирург. До войны.

Правила предложил Андрей. Простая «Больше-Меньше» на двух кубиках. Три раунда. Тот, кто набирает больше очков суммарно, задает вопрос или дает задание. Отказаться от выполнения нельзя — вылетишь из каравана посреди ночи пешком.

Первый раунд остался за Андреем. Выпало одиннадцать против семи. — Вопрос, — сказал Андрей, тряся кости в ладони. Теплые. — Что ждет нас впереди по южной трассе? Почему все боятся Засечного леса, кроме вас?

Шрам пожал плечами. Сустав на шее щелкнул неестественно громко. — Лес дерьмо. Мы его не боимся, потому что платим пошлину. Чистильщикам. Десять литров спирта и одного пассажира. Каждую среду. Они пропускают колонну, берут своего человека для ритуалов и уходят. Завтра среда. Так что готовься спать плохо, сталкер. Твой сосед может стать ужином для деревьев.

Информационный куш сорван, но радости это не принесло. Платить людьми за проход... Это объясняло идеальный порядок в колонне Орлова. Они были не героями, а самыми прагматичными стервятниками региона.

Второй раунд. Шрам выбросил двенадцать. Две фаланги уставились на Андрея своими пластиковыми гранями. Максимум. В животе похолодело. Теперь бросать ему.

— На желание, — напомнил Шрам.

Андрей выдохнул. Выбросил восемь. Мелочь. Проигрыш.

Шрам задумчиво посмотрел на свои костяные пальцы внутри кубиков. Затем перевел взгляд на Андрея. — Я мог бы приказать тебе сплестись голышом на капоте, — начал он. Голос был обманчиво мягким. — Но это скучно. Я люблю полезные вещи. Снимай часы.

Андрей замер. Справа на запястье у него висели старые механические «Командирские». Отец подарил их ему на восемнадцатилетие, за год до падения мира. Механизм был антимагнитным, корпус — из тяжелого титана. Часы пережили падение с пятого этажа, купание в болоте и взрыв гранаты неподалеку. Они тикали мерно, успокаивающе, связывая Андрея с миром, где время имело значение. — Это память, — тихо сказал Андрей. — Именно поэтому я их и хочу, — ухмыльнулся Шрам. — Хочу носить чужое прошлое на руке, пока мое собственное утекает сквозь гнилые кишки. Снимай. Или иди доказывай лесу, что ты невкусный. Без машины.

Пальцы Андрея непослушно расстегнули потрепанный ремешок. Металл часов охлаждал кожу. Он положил их на ладонь Шрама. Парень довольно хмыкнул, надел их на свое здоровое запястье и полюбовался, как секундная стрелка отсчитывает чужие секунды. — Красота, — прошептал он. — Чувствуешь пульс времени? Он теперь мой. Ладно, утешительный приз. Третий раунд.

Третий раунд превратился в пытку. Андрей чувствовал себя ограбленным не столько материально, сколько духовно. Словно Шрам забрал кусок его неуязвимости. Он взял кости. Вспомнил трюк Свища с клеем. Но клей остался в рюкзаке. Оставалось полагаться только на чистую механику броска.

Он бросил. Кости покатались по неровному бетону. Одна остановилась быстро — четверка. Вторая крутилась долго, ударяясь о камешки. Пять. Девять очков.

Шрам нахмурился. Его очередь. Он взял свои костяные кубики. Посмотрел на них долгим, тяжелым взглядом. — Папа говорил, что кости чувствуют кровь, — сказал он вдруг. — Если игрок боится проиграть, они ложатся самым худшим образом. Не бойся, сталкер. Бойся надеяться.

Он бросил мягко, почти катнул. Семерка. Сумма — семь плюс вторая кость... Шрам замер. Его белая кость медленно качнулась и легла единицей. Восемь. Восемь против девяти. Победа.

Андрей шумно выдохнул воздух, который задерживал в легких. Сердце колотилось где-то в горле. — Ты везучий псих, — констатировал Шрам, убирая кости. — Но часы мои. А информация стоит дороже. Раз уж третий раунд мой...

Он наклонился вперед, упираясь руками в колени. Синее пламя костра отбрасывало глубокие тени на его изуродованное лицо. — Хочешь знать правду о Воронеже? — зашептал Шрам. — Ее там нет. Ни твоей Марины, ни города. Есть только Котлован. Три года назад тектонический разлом прошел ровно по центру области. Город провалился. Там теперь озеро кипящей грязи глубиной в полкилометра. Птица падает в этот пар и сваривается заживо. Никто не живет в самом Воронеже. Живут *под* ним. В старых шахтах метро и пусковых установках РВСН. Входов много, но выходов нет. Система лабиринтов тянется на сотни километров. Кто спускается вниз за хабаром, либо возвращается седым и безумным, либо не возвращается вовсе. Там внизу бродят тени тех, кто строил ракеты. И они очень не любят гостей. Твоя женщина, если она умна, обошла бы это место за версту. Если глупа — ее уже переваривает подземная слизь.

Шрам поднялся. Сделал несколько шагов прочь, затем обернулся. — Кстати, сталкеры часто оставляют метки. Знаки для своих. Чтобы другие знали, куда не ходить. Или наоборот — куда идти вслед. Твоя баба любила оставлять следы? — Она рисовала угольком воробьев, — машинально ответил Андрей. — Маленьких таких, неуклюжих. На стенах. Говорила, что воробьи выживут даже после конца света, потому что им нечего терять.

Шрам постоял секунду, глядя на огонь. Потом молча кивнул и растворился во тьме среди храпящих наемников.

Андрей сидел неподвижно. Чужой механизм на чужой руке продолжал отмерять секунды его жизни. Потеря часов ощущалась физической болью, ампутацией. Но слова Шрама... Котлован. Кипящая грязь. Шахты. Это всё усложняло. Если Марина спустилась туда, шансов найти ее живой практически нет. Но рисунок воробья... Это зацепка. Единственный маяк в темноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.